

Александр Панченко (С.-Петербург)

ПУШКИН В СОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

Исследователи, пишущие о так называемом «советском фольклоре»², зачастую трактуют последний в качестве эпифеномена тоталитарной культуры сталинского времени, в силу различных причин нуждавшейся в демонстрации идеологического единства и эффективного общественного взаимодействия всех социальных классов и наций, наделенных советским гражданством и пользующихся благами сталинской конституции. В определенном смысле это, конечно, так: массовые публикации советских былин, песен сказок, частушек, причитаний и т. п. служили наглядным символом успешной «реколонизации», вернувшей под контроль империи и обитателей национальных республик, и вновь закрепощенное «колхозное крестьянство». Вместе с тем очевидно, что у «советского фольклора» были и предшественники, и преемники, пускай и в иных общественно-идеологических контекстах: от Краледворской рукописи и «Песен западных славян» до «Велесовой книги» и

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русский политический фольклор от Петра I до Горбачева»).

² См.: Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006; Юстус У. Вторая смерть Ленина: Функция плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина // Соцреалистический капот / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 926--952; Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 403--431.

«Русских вед». Современного исследователя скорее поражают масштабы сталинской «фольклорной фабрики»: фактически речь идет о гигантском механизме планового производства «народно-поэтических» текстов, сопоставимом с соответствующими проектами в области индустриального строительства и добычи полезных ископаемых. Показательно, что среди общих мест тогдашней публицистики — сравнение «мастеров народного творчества» со стахановцами.

Впрочем, вряд ли кто-то станет спорить, что при всей своей, так сказать, «мегаломанической» специфике сталинская культура была преемственна не только (и не столько) по отношению к постреволюционной «культуре 1»³, но и по отношению к имперской традиции XIX в. В этом смысле «советский фольклор», чье появление можно датировать либо записью в Иркутске в 1924 г. «Покойнишного воя по Ленину», либо публикацией в том же году «Мужицкого сказа о Ленине» Л. Н. Сейфуллиной⁴, без сомнения, во многом связан с идеологическими проекциями «дореволюционной» фольклористики и элитарной культуры в целом. Мне приходилось писать, что под определенным углом зрения фальсифицированный «советский фольклор» можно рассматривать в качестве квинтэссенции того «русского фольклора», который хотели потреблять и изучать дореволюционные элиты⁵. Дело здесь, как я думаю, не только в типологических, но и в генетических факторах.

Нижеследующие заметки посвящены проблеме такой преемственности применительно к специфике советского и «досоветского» культа Пушкина, а также его преломления в деревенской культуре первых десятилетий XX в. Хотя о «пушкинианской» мифологии и ритуалистике в России и СССР написано довольно много, проблема массовой (и, в частности, крестьянской) рецепции образа Пушкина исследована сравнительно плохо. В работах, подобных известным монографиям М. Левитта и П. Дебрецени⁶, речь все

³ Напомню, что этот термин был некогда предложен В. Паперным, см.: Паперный В. Культура Два. М., 1996.

⁴ См.: Панченко А. А. Культ Ленин и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 334–366.

⁵ Там же.

⁶ Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994; Debrecezy P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford, 1997.

же идет о литературной идеологии и мифологии, а не о массовой культуре, а фольклористы, пишущие на эту тему, пребывают в наивном заблуждении касательно якобы существовавших «народных представлений о Пушкине»⁷ или «народной версии национального культурного мифа о Пушкине»⁸. По справедливому замечанию М. Безродного, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают никаких оснований для подобных выводов⁹. Иначе обстоит дело с рецепцией Пушкина и его сочинений в массовой городской культуре, но и этой проблеме посвящено крайне малое количество научных исследований¹⁰.

Надо сказать, что общий объем опубликованных в советскую эпоху фольклорных и квазифольклорных текстов на «пушкинскую тему» сравнительно невелик. В каком-то смысле это кажется странным, поскольку во многих отношениях советский культ Пушкина ни в чем не уступал почитанию наиболее заметных персонажей тогдашнего политического пантеона. Особенно показательным в данном случае представляется отчетливый параллелизм культов Пушкина и Ленина в ранней советской культуре¹¹. Стоит добавить, что параллели между культурами Ленина и Пушкина не исчерпываются сугубо советской риторикой и ритуалистикой. В данном случае уместно вспомнить забавное совпадение, касающееся первоначальной истории Пушкинского Дома (нынешнего Института русской литературы РАН), основанного в 1905 г. В опубликованных накануне

⁷ Анненкова А. А. Отражение личности А. С. Пушкина в народном сознании // Пушкин и современная культура. М., 1996. С. 185–198.

⁸ Возвращение в мир молвы: («Барышня-крестьянка» в народных пересказах) / Публ. О. Р. Николаева // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1994. С. 289.

⁹ Безродный М. К вопросу о культе Пушкина на Руси: Беглые заметки (цит. по сетевой публ.: <http://www.ruthenia.ru/document/242352.html>).

¹⁰ Рабинович Е. Г. Об одном феномене устной речи — sub specie ethnologica // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 101–107; Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени: (Антропологические очерки). СПб., 2001. С. 68–69.

¹¹ См. о нем: Панченко А. А. Русский спиритизм: Культурная практика и литературная репрезентация // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006. С. 123–147.

Первой мировой войны мемуарах Е. П. Казанович сообщает, что «мысль о Пушкинском музее приняла вид широкой программы „Дома имени Пушкина” — своего рода *литературного мавзолея*, в котором могли бы храниться реликвии не только Пушкина, но и других деятелей русской словесности XIX века»¹². Таким образом, с некоторой долей шутки можно утверждать, что непосредственным предшественником советского *мавзолея Ленина* в Москве был дореволюционный *мавзолей Пушкина* в Петербурге. Этим, впрочем, тема мавзолеев не исчерпывается, поскольку главным архитектором, отвечавшим за восстановление Пушкинского заповедника после Второй мировой войны, был назначен А. В. Шусев — автор Ленинского мавзолея.

Вместе с тем вполне очевидно, что, несмотря на весь пафос пушкинской пропаганды 1930-х гг., «великий русский поэт» и «борец с самодержавием» отличался от большинства остальных героев «советского фольклора» уже тем, что не участвовал ни в большевистской революции, ни в Гражданской войне, ни в социалистическом строительстве. Судя по всему, именно статус пускай и не полностью, но все же мертвого классика определял не только общие принципы конструирования советского культа Пушкина, но и место поэта в советском же фольклоре. Надо сказать, что «хрестоматийных» форм советского псевдофольклора на пушкинскую тему было опубликовано очень мало (показательно, что ни один из таких текстов не вошел в подготовленную Т. Г. Ивановой антологию, вошедшую в сборник «Рукописи, которых не было»¹³). К числу немногочисленных «советских сказок» о Пушкине относится, например, история о том, «как дядя Иван правду о Пушкине узнал», якобы «написанная на подлинном материале устного народного творчества» и опубликованная в 1937 г. в костромской газете «Северная правда». В этой сказке, тематически относящейся к группе довольно широко представленных в советском *fakelore* квазисказочных нарративов «о поисках правды и лучшей жизни» (то есть, в сущности, о неизбежном историческом пути к социалистической революции),

¹² Цит. по: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. Л., 1988. С. 19 (курсив мой).

¹³ Советский эпос 1930-х — 1940-х годов // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. С. 403 — 968.

крестьянин Иван просит «мудрых-ученых» прочитать ему книгу Пушкина, однако те отказываются, поскольку боятся, что открытие «пушкинской правды» приведет к свержению помещичьей власти. Так оно и выходит: некий «простой человек рабочий» сообщает Ивану «слово колдовское могучее, как тую правду про описания Пушкина разведать», после чего вдохновленные этим словом мужики забирают «от господ земли... школы, училища» и начинают «учиться, чтобы правду про все науки и про Пушкина узнавать»¹⁴.

Хотя этот текст отчасти и корреспондирует с мотивами «советских сказок» о Ленине¹⁵, акценты в нем несколько смещены. Помимо темы освобождения крестьян и «черного передела» здесь специально подчеркивается метонимическая связь Пушкина и печатного слова вообще; чтение сочинений поэта ассоциируется с грамотностью как таковой, то есть с реализацией декрета Совнаркома от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» и декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети». «Просветительские» мотивы доминируют и в посвященных Пушкину «советских частушках». (Они, впрочем, тоже очень немногочисленны.) Так, в тексте, якобы происходящем из Саратовской области, читаем:

Есть у нашей у Матрешки
Книжек изобилие,
Есть поэт такой хороший —
Пушкин по фамилии.¹⁶

Опубликованные в той же подборке «частушки из Ивановской области» настолько сходны с процитированной, что наводят на мысль об общем авторстве:

Стыдно нам с тобой, Феклуша,
От подружек отставать:
Хороша наша Марфуша —
Любит Пушкина читать!

¹⁴ Румянцев Ал. Как дядя Иван правду о Пушкине узнал // Северная правда. 1937. № 53, 6 июля.

¹⁵ См.: Панченко А. А. Культ Ленина и «советский фольклор».

¹⁶ Ван. Пушкин в частушках // Пламя. 1937. № 1. С. 34.

Из Иванова прислали
Много книжек на село.
Мы с любимым прочитали
Нынче Пушкина всего.¹⁷

Правда, в двух других «ивановских частушках» перечень читаемых крестьянками писателей пополняется; в него попадает не только Максим Горький, но и Тургенев с Толстым:

Ты, моя подружка Сима,
Приходи сегодня к нам;
Дай мне Горького Максима,
Я Толстого тебе дам.

Прочитали книжек сто
С Дунею-подружкой.
Мне понравился Тургенев,
А подружке Пушкин.¹⁸

Так или иначе, основной корпус «пушкинского фольклора» советского времени достаточно специфичен и в историческом, и в типологическом отношении. Если основными способами конструирования и пополнения советской «народно-поэтической» хрестоматии были либо прямая фальсификация с использованием фольклорных или псевдофольклорных мотивов, либо своеобразное «сотворчество» собирателей и сказителей, то опубликованные в 1920—1930-е гг. «рассказы крестьян о Пушкине» появились на свет вследствие более сложных социальных и коммуникативных процессов.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Разрозненные данные об отношении русских крестьян конца XIX—начала XX в. к Пушкину и его сочинениям свидетельствуют, что в деревенской среде поэт был, в общем-то, практически неизвестен. Хотя в своей работе «Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства» Б. С. Мейлах пытался доказать, что в эпоху пушкинского юбилея 1899 г. «среди крестьянских масс резко возрос интерес»¹⁹ к жизни и творчеству поэта, используемые им же

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мейлах Б. С. Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1967. Т. 5: Пушкин и русская культура. С. 111.

материалы рисуют совсем другую картину. Диалектолог и лексикограф В. И. Чернышев, командированный в 1927 г. Географическим обществом для записи сказок в тогдашнем Пушкинском районе²⁰, утверждал, что многие крестьяне, обитавшие сравнительно недалеко от Михайловского, ничего не знали о Пушкине. «Женщины, проживавшие в 35 км от Тригорского, с которыми я разговорился по дороге, желали знать: кто я? зачем приехал? Я сказал, что приехал в эти места потому, что здесь жил Пушкин. „Что же, он вам сродственник какой был, этот Пушкин?“ — спросила одна из них с явным недоумением»²¹. Вместе с тем если не идеологический, то историко-биографический интерес интеллигенции к крестьянским рассказам о Пушкине начинает формироваться еще в середине XIX в., когда публикуются записи о жизни поэта в Михайловском, сделанные со слов его кучера Петра²². Несколько подобных записей появляется в печати в 1898—1899 гг., а также в первые десятилетия XX в. Среди них — и обладающий более или менее фольклоризованной фабулой рассказ крестьянина Афанасия Васильева о Пушкине, встречающем в лесу бедного мужика, выдающем себя за лакея, а впоследствии награждающем просителя хлебом (не исключено, впрочем, что эта история хотя бы отчасти навеяна сюжетом «Барышни-крестьянки»)²³. Надо полагать при этом, что начиная, по крайней мере, с 1890-х гг. предпринимаются попытки создать и встречный информационный поток, то есть просветить коренных обитателей «Пушкинского уголка» Псковской губернии относительно деталей биографии и творчества их знаменитого соотечественника.

²⁰ Описание целей этой экспедиции и публикация записанных Чернышевым текстов см.: Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исслед. В. И. Чернышева / Под общ. ред. Комиссии АН СССР; Подгот. Н. П. Гринковой, Н. Т. Папченко. М.; Л., 1950.

²¹ Чернышев В. И. «Пушкинский уголок», его быт и предания // Известия РГО. 1928. Т. 60, вып. 2. С. 338—339.

²² Тимофеев К. А. Могила Пушкина и село Михайловское // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Ч. 103. Отд. II. С. 146—147. См. также: Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 433—436.

²³ Запись опубликована в 1899 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 130). Цит. по: Разговоры Пушкина: Репригт. воспроизведение изд. 1929 г. М., 1991. С. 66—67.

Уже упомянутый Чернышев по этому поводу замечает следующее: «В Михайловском и его окрестностях — живой источник народного пушкинского предания. Это предание поддерживалось еще и путем давнего внешнего воздействия на местное население. Особенно большую роль в данном случае играли приезды интеллигенции в пушкинские места, торжественные юбилейные праздники в честь нашего поэта, устраиваемые здесь, и т. п.»²⁴. Записи, сделанные Чернышевым (а именно он опубликовал первую полноценную подборку крестьянских «преданий о Пушкине и близких им людях»), позволяют судить не только о степени и интенсивности этого воздействия, но и о том, как адаптировалась книжная пушкиниана локальной деревенской культурой. По сути дела, полевые материалы Чернышева можно рассматривать как результат своеобразного фольклористического эксперимента, поскольку, как мне кажется, анализ напечатанных им рассказов дает возможность с большей или меньшей долей уверенности судить и о литературных источниках соответствующих сюжетов и мотивов, и о специфике их рецепции.

В крестьянских рассказах Пушкин предстает не просто «добрым барином», раздающим свое добро крестьянам (сюжет о неузнанном Пушкине, награждающем просителя, был вновь записан Чернышевым в д. Железове), но и успешным борцом с крепостным правом, героем своеобразной версии «легенды об избавителях»: «„...Пушкин выдумал, как избавить народ: сочинил бумагу, что нужно выпустить невольников на свободу. Господа подписали, синод согласился. Они думали выпустить невольников из острогу, а Пушкин доказал, что невольники — крепостные. Те, которые в остроге сидят, по своей воле туда попали. Так и пришлось им крестьян отпустить!” У крестьянина Брюсова был в руках народный стих, в котором рассказывалось, как Пушкин освободил всех крестьян. По рассказу этого крестьянина Пушкин в сенате уговорил царя и сенаторов подписать бумагу, не вынимая ее из-под стола. Когда все подписали, увидели, что это воля крестьянам»²⁵. Эта ассоциация литературного труда и борьбы с крепостным пра-

²⁴ Чернышев В. И. «Пушкинский уголок», его быт и предания. С. 338.

²⁵ Там же. С. 347.

вом находит поддержку в нескольких устойчивых мотивах, зафиксированных Чернышевым.

Во-первых, Пушкин воспринимается как исключительный грамотей и «знающий» человек, обладающий особым даром «писать ногой», указывающий местоположение кладов и пророчествующий в духе традиционных эсхатологических нарративов²⁶. «„Пушкин говорил: Придет время: пойдет отец на сына, сын на отца” и т. д. — „Но это сказано в евангелии”, — возразил я. — „Ты врешь, не в евангелии, а у Пушкина!” По другому преданию, Пушкин знал клад у „Кривых сосен” и рассказывал, как его найти. (...) От разных лиц и упорно мне повторяли предания, что Пушкин писал „ногой”. „Зачем же ему было писать ногой?” — спрашивал я с недоумением. — „Как зачем? Ведь он был такой умственный! Вот хоть бы вы: пишете правой рукой, а заставь вас написать левой — напишете, и ногой, наверно, напишете!”»²⁷ Правда, применительно к этому таинственному навыку Чернышев высказывает не лишнее оснований предположение, что перед нами «изуродованный отзвук» «Истории села Горюхина», где говорится о земском Терентье, приучившемся под старость писать правую ногу.

Во-вторых, Пушкин изображается вольнолюбивым насмешником над царем и аристократией. «Он никого не боялся и никого не почитал. Входил к царю на всякое собрание, званый и незваный. Царю о себе говорил: „Козырная шестерка туза бьет”. (...) Когда приятеля Пушкина повесили по делу декабристов, Пушкин прошел мимо виселицы, сказал: „Лучше бы царя за язык повесили!” За это его и сослали»²⁸. Очевидно, что первый из этих рассказов восходит к известному в нескольких вариантах анекдоту о Пушкине, причем непосредственным источником здесь могла быть публикация в сборнике «пушкинских» анекдотов 1899 г.²⁹

²⁶ Ср.: Панченко А. А. Эсхатологические рассказы // Традиционный фольклор Новгородской области: (Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.)) / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006. С. 232–249.

²⁷ Чернышев В. И. «Пушкинский уголок», его быт и предания. С. 350.

²⁸ Там же. С. 351.

²⁹ Анекдоты из жизни Пушкина. М., 1899. С. 8 (см. также: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века /

Что касается второй истории, то ее можно соотнести и со стихотворением «Брови царь нахмуря...» из письма к Дельвигу (1825) («Говорил он с горем / Фрейлинам дворца: / „Вешают за морем / За два ⟨яица⟩...”»)³⁰, и, что более вероятно, с приписывавшимся Пушкину «Фонарем» («Друзья, не лучше ли на место фонаря, / Который темен, тускл, чуть светит в непогоды, / Повесить нам царя?»)³¹, а также «Подблюдными песнями» К. Рылеева и А. Бестужева («Вы готовьте ножей / На сиятельных князей; / И на место фонарей / Поразвешивать царей»)³².

Хотя появление рассказов такого рода следует, по всей видимости, объяснять пропагандистской и «просветительской» деятельностью интеллигенции, необходимо иметь в виду, что образ Пушкина-острослова, согласно Чернышеву, в основном репрезентировался историями, «частью или вполне неудобными ни для чтения вслух, ни для печати» и в публикацию не вошедшими. Надо думать, что подобные представления о поэте были связаны с традицией устных и печатных «анекдотов из жизни Пушкина», приобретшей к концу XIX в. большую или меньшую устойчивость в городской культуре России и послужившей, в частности, прототипом для известной серии прозаических миниатюр Даниила Хармса. Не останавливаясь сейчас на соотношении «анекдотической пушкинианы» с общим корпусом русских «литературных анекдотов» XVIII—XIX вв.³³, отмечу, что речь идет не только о текстах из обихода социальной и литературной элиты, но и о массовых печатных изданиях развлекательного характера³⁴, а также об устной низовой

Вступ. ст. Е. Курганова; Сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина. М., 1990. С. 219). Ср. также более ранний вариант, где фигурируют Пушкин и Мицкевич: Разговоры Пушкина. С. 85.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 2: Стихотворения 1820—1826. С. 284.

³¹ См.: Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков / Вступ. ст., сост., вступ. заметки, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. Л., 1988. С. 469.

³² Там же. С. 372.

³³ См.: Курганов Е. Литературный анекдот Пушкинской эпохи. Дисс. на соискание ученой степени доктора философии. Helsinki, 1995 (Slavica Helsingiensia 15; http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh15/sh15_index.html).

³⁴ См., например: Анекдоты из жизни Пушкина; Шутки и остроуты А. С. Пушкина. СПб., 1899; Шутки и остроуты А. С. Пушкина.

культуре, где Пушкин зачастую фигурировал в сюжетах эротического и скатологического характера, характерных, по преимуществу, для так называемых «анекдотов о шу-тах»³⁵.

По всей видимости, скабрзные анекдоты о Пушкине, где, по справедливому замечанию А. Ф. Белоусова, поэт мог изображаться не только «привычным плутом-трикстером», но и его «противником — серьезным героем»³⁶, имели достаточно широкое распространение в низовой городской культуре уже в последней трети XIX в. Об этом, в частности, свидетельствует ряд соответствующих текстов, приводимых фольклористом Н. Е. Ончуковым в черновике неопубликованной работы «Пушкин в фольклоре» (1936). Частично эти анекдоты уже были введены в научный оборот А. Ф. Белоусовым³⁷, однако, как мне кажется, они заслуживают полной публикации. Итак, предоставим слово Ончукову:

...В ранней юности (лет 14—15) пишушему эти строки на моей родине в глухом Сарапуле Вятской губ. еще пришлось слышать 6 анекдотов о Пушкине, причем 4 из них чисто порнографические, а 4 связаны с именем Баркова. Это были 80-е годы прошлого века. Сарапул был тогда город абсолютно не литературный, помещиков (а значит, и дворян) в уезде ни одного. В самом городе интеллигенция исключительно служилая (Окружной суд, Удельная контора, реальное училище и женская гимназия). Вероятно, они-то, особенно служащие суда и удела, часто петербуржцы и москвичи, и занесли в Сарапул эти анекдоты.

Вот эти анекдоты:

Пушкин и Барков

1. Пушкин за что-то рассердился на Баркова и при первой встрече пригрозил его побить. Об этом узнал Барков. Идет од-

Одесса, 1900; *Шевляков М. В.* Пушкин в анекдотах. СПб., 1899; Никогда еще до сих пор не печатанные анекдоты про А. С. Пушкина / Собр. З. В. Вазарин. Тифлис, 1903; Анекдоты о Пушкине / Собр. и изд. Афанасий Пясецкий. Уфа, 1913.

³⁵ *Курганов Е.* Литературный анекдот Пушкинской эпохи (http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh15/sh15_3.html). О более поздней традиции устных анекдотов о Пушкине см.: *Морозов И. А., Фролова О. Е.* Пушкин в анекдоте // Живая старина. 1999. № 4. С. 22.

³⁶ *Белоусов А. Ф.* Из истории фольклорных анекдотов о Пушкине // Тр. факультета этнологии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 211.

³⁷ Там же. С. 211—212.

нажды Барков по улице и видит: вдали навстречу — Пушкин. Барков испугался и залез под мост (дело было в Петербурге) и, пока Пушкин проходил, написал стихи:

Волною морскою
Скрываюсь под доскою
От гонителя, мучителя,
Сашки Пушкина сочинителя.³⁸

2. Пушкин сел писать поэму и написал:

«Садилось солнце».

Вдруг ему «приспичило», и он ушел, как сам писал, «сажен за сто с чердака за нуждой... известной». Пришел Барков и, увидя начало писания Пушкина и догадавшись, где Пушкин, подписал к написанному Пушкиным одно слово: «срать». И ушел.

3. В третьем анекдоте рассказывается, как Пушкин, сидя у окна и увидав шедшего по улице Баркова, накалил на свече медный пятак и бросил его под окна, чтобы Барков поднял монету и ожегся. Барков, подойдя, догадался, что пятак горячий, помочился на него и сказал: «Ссы мой елдак на каленый пятак». Затем поднял монету, положил в карман и ушел, оставив Пушкина в дураках.

4. Барков шел по берегу речки. Увидя идущего навстречу Пушкина и боясь, что Пушкин его приберет (за какое-то воровство), Барков зашел в речку по половой орган и, когда Пушкин проходил мимо, насмехаясь над ним, сказал:

«Стоит Барков в воде
По самые муде».

5. Пушкин сидел на званом обеде. Одна из обедающих барышень вздумала катать из хлеба шарики и бросать ими в Пушкина. Пушкин растопыренными пальцами руки захватил кусок хлеба, бросил в шалунью и сказал: «Вы, барышня, целки³⁹, а вот я вас раком...» (двусмысленное выражение).

6-й анекдот также описывает званый обед. Хозяин, желая посмеяться над Пушкиным, приказал слуге поднести Пушкину жареный половой орган коровы. Что сделал по этому поводу Пушкин, совершенно непереходимо в печати.⁴⁰

³⁸ Примечание Олчукова: «Это вольное подражание ирмоса песни 1-й полуощицы на Пасху: Волною морскою скрываюша древле гонителя мучителя и пр.»

³⁹ Примечание Олчукова: «Т. е. метки, попадаете в цель».

⁴⁰ Олчуков Н. Е. Пушкин в фольклоре. Статья. Черновик. Автограф. 1936 г. — РГАЛИ, ф. 1366 (Н. Е. Олчуков), оп. 1, № 41, л. 7—9.

Таким образом, «народное Пушкинское предание», существовавшее в Михайловском и его окрестностях в первые десятилетия XX в., было, по преимуществу, обязано своим существованием различным источникам городского происхождения: «просветительской» и «собираательской» деятельности приезжавшей в «Пушкинский уголок» интеллигенции⁴¹, а также печатным и устным анекдотическим текстам, в которых фигурировал поэт. Вместе с тем все эти мотивы и сюжеты в той или иной степени подверглись воздействию крестьянской нарративной культуры, подвергшей, в частности, существенной трансформации политико-пропагандистский образ Пушкина — «борца за свободу».

Отдельную группу текстов, записанных Чернышевым, составляют рассказы о трагической гибели Пушкина, где представление об измене Натальи Николаевны также подвергается своеобразной фольклоризации. Подозревая жену в неверности, поэт прибегает к довольно экзотическому способу выяснения истины. «„Он шел на дуэль через хозяйку. Она с Ланьским стала ватажиться. Они сидели вечером за столом, и Пушкин загасил лампу, намазал себе губы и жену поцеловал, а им невдогадь, и Ланьской его жену поцеловал. Пушкин зажег лампу и все увидел. Тогда он стал писать письма, что идти ему на стрел” (<...>). Эту же народную легенду о Пушкине и его жене, — добавляет Чернышев, — я слышал в 80-х годах и во Владимирской губ. от одного живописца, служившего некогда в солдатах во Владимире»⁴².

По всей видимости, этот сюжет «пушкинского фольклора» также имеет литературное происхождение. Примени-

⁴¹ О степени «информационного давления» на местных крестьян со стороны почитателей Пушкина свидетельствует, например, следующее замечание М. А. Каллаш: «Слабая струнка приезжавших в Опочечкий уезд поклонников поэта была одно время настолько известна, что в деревнях появились самозванные современники Пушкина, которые в надежде на получение полтишника толковали о Пушкине что-то довольно пелепое» (*Гаррис [Каллаш М. А.] Уголок Пушкина*. М.; Пг., 1923. С. 6). Стоит также иметь в виду, что незадолго до Первой мировой войны в Михайловском была учреждена «колония для престарелых литераторов», в которой, впрочем, обитало всего несколько пожилых женщин, имевших к литературе весьма косвенное отношение (Там же. С. 56–58).

⁴² *Чернышев В. И.* «Пушкинский уголок», его быт и предания. С. 347–348.

тельно к предыстории дуэли Пушкина эпизод с обличительным поцелуем впервые появляется в «рассказе об отношениях Пушкина к Дантесу», записанном в 1887 г. со слов сослуживца Дантеса по Кавалергардскому полку князя А. В. Трубецкого историком и журналистом В. А. Бильбасовым. Первоначально эта запись была напечатана незначительным тиражом, однако четырнадцать лет спустя Бильбасов опубликовал ее сокращенный вариант в «Русской старине». Согласно воспоминаниям Трубецкого, однажды, «возвратясь из города и увидев в гостиную жену с Дантесом, Пушкин не поздоровался с ними и прошел прямо в кабинет; там он намазал сажей свои толстые губы и, войдя вторично в гостиную, поцеловал жену, поздоровался с Дантесом и ушел, говоря, что пора обедать. Вслед за тем и Дантес простился с Nathalie, причем они поцеловались и, конечно, сажа с губ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантес столкнулся в передней с Пушкиным, который, очевидно, поджидал его выхода, он заметил пристальный взгляд и язвительную улыбку, — это Пушкин высмотрел следы сажи на губах Дантеса. Взбешенный Пушкин бросился к жене и сделал ей сцену, приводя сажу в доказательство. Nathalie не знала, что отвечать, и, застигнутая врасплох, солгала: она сказала мужу, что Дантес просил у нее руки Кати, что она дала свое согласие, в знак чего и поцеловала Дантеса, но что поставила свое согласие в зависимости от решения Пушкина. (...) Вскоре состоялся брак Дантеса с Екатериной Николаевной Гончаровой»⁴³.

Разумеется, эта история сразу же вызвала серьезные сомнения у академических специалистов по истории русской литературы. В своем отклике на публикацию Бильбасова А. И. Кирпичников писал: «История с обличительным поцелуем есть „бродячая повесть“, очень почтенная по своей древности, встречающаяся в огромном количестве приурочений у разных народов, а сюда попавшая из какого-нибудь французского сборника *contes pour rire*. Несколько лет назад она фигурировала в анекдотической биографии Пушкина при потушенной свече, а ныне весьма не-

⁴³ Трубецкой А. В. Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу / Послесл. П. Е. Щеголева // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 25/27. С. 318.

удачно изменила свою обстановку»⁴⁴. Действительно, речь идет о варианте международного фольклорного мотива, зафиксированного в указателе Ст. Томпсона под номером K1564 («Муж доказывает измену, тайно покрасив губы любовника в черный цвет. Когда он возвращается, лицо жены испачкано черным»)⁴⁵. Вместе с тем исследователь преувеличивал степень распространения этого мотива: в Западной Европе он встречается довольно редко, а у восточных славян неизвестен. Поэтому легкость, с которой история об «обличительном поцелуе» Пушкина перешла в устный обиход, представляется примечательной.

Материалы, опубликованные Чернышевым, рисуют чрезвычайно любопытную картину сложения своеобразного «пушкинского фольклора», возникшего благодаря взаимодействию городской и деревенской культур. Однако на этом упомянутый «фольклористический эксперимент» не завершился. После того как в 1933 г. Пушкинский заповедник перешел в ведение Академии наук и в нем начались приготовления к столетию смерти поэта, «просветительская» и «собираТЕЛЬская» работа среди местных крестьян продолжилась с новой силой. Еще в декабре 1935 г. корреспондент «Правды» сообщал из Пушкинского заповедника: «Школьники пушкинской школы жадно изучают произведения великого поэта, стремясь овладеть всем богатством и красотой русского языка. В школе создается комната Пушкина. В зимние каникулы школьники будут собирать в деревнях рассказы и легенды о жизни поэта. Комсомольцы готовятся к районной пушкинской конференции, партактив организует пушкинский семинар. Чудесные лирические строфы великого поэта становятся достоянием широких масс»⁴⁶.

⁴⁴ Кирпичников А. И. По поводу «Рассказа об отношениях Пушкина к Даггесу» // Русская старина. 1901. Т. 56. Апрель. С. 79.

⁴⁵ Thompson St. Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books and local legends. Bloomington; London, 1966. Vol. IV. P. 408; Ср. также известный в разных традициях, но не выделенный в отдельную категорию международными указателями сюжет об опознании вора при помощи предмета, измазанного сажей или краской: *Ting, Nai-tung*. A Comparative Study of Three Chinese and North-American Indian Folktale Types // Asian Folklore Studies. 1985. Vol. 44, №. 1. P. 39–41.

⁴⁶ Карелин Д. В Пушкинском заповеднике // Правда. 1935. № 355, 26 декабря.

Что касается собственно юбилейных мероприятий — как в Пушкинском заповеднике, так и за его пределами, — то они, разумеется, заслуживают отдельного разговора. Однако даже краткая подборка хроникальных материалов февраля 1937 г. дает представление о масштабах и особенностях происходившего. За день до начала мемориального праздника калининская областная газета «Пролетарская правда» сообщала: «18 февраля — день погребения Пушкина — будет ознаменовано в Пушкинском районе большими торжествами. Из Москвы, Ленинграда, Калинина, со всех концов страны сюда приедут делегации рабочих, колхозников, красноармейцев, научных работников. В 12 часов дня в селе Михайловском, где поэт провел „два года незаметных“, будет открыт Дом-музей Александра Сергеевича Пушкина. (...) В час дня перед домом поэта будет проведен митинг, в котором примут участие приехавшие в Пушкинские Горы делегации и колхозники, которые съедутся на торжества со всего района. Колхозники приедут на праздник на тройках. Около двух часов будет открыт парад-карнавал. В нем примут участие колхозники, рабочие совхозов, ученики школ района. Все участники карнавала будут одеты в костюмы пушкинских героев. На карнавале будут разыграны сцены из „Цыган“, „Дубровского“, „Бориса Годунова“. Уже сейчас район готовится к торжествам. (...) Районный комитет партии и районный Пушкинский комитет созвали несколько интересных конференций и совещаний, посвященных Пушкину. 15 февраля, например, было созвано совещание самых старых колхозников-пушкинистов, на котором еще раз была продемонстрирована огромная любовь советского народа к своему любимому поэту. Станция „Тригорское“, дома в поселке Пушкинские Горы и избы окрестных колхозников украшены зеленью, гирляндами хвои, красными полотнищами, портретами Пушкина. Всюду — щиты с цитатами из трудов товарищей Ленина и Сталина об освоении культурного наследия прошлого, с выдержками из пушкинских стихов»⁴⁷.

Судя по всему, торжества действительно получились довольно живописными. В отчете о празднике, напечатан-

⁴⁷ Пролетарская правда. 1937. № 40, 18 февраля.

ном во «Временнике Пушкинской комиссии», читаем: «Осмотр музея, усадьбы и парка закончился грандиозным показом колхозной, художественной самодеятельности. Более трехсот колхозных троек, украшенных портретами Сталина, Горького, Пушкина, зеленью, флажками и транспарантами со стихами Пушкина, промчались перед десяти-тысячной массой колхозников, рабочих, учащихся и перед трибуной, на которой заняли место делегаты — колхозники-стахановцы, академики, писатели и представители партийных и советских организаций. Более 2000 человек посетило открытый в этот день музей»⁴⁸. Вероятно, именно на «параде-карнавале» были исполнены «колхозные частушки о Пушкине», сочиненные местными активистами художественной самодеятельности и, по всей видимости, варьировавшие те самые вопросы, что обсуждались на конференциях и совещаниях «крестьян-пушкинистов»:

Самодержцы, сплетен гнусью
Злили Пушкина вы зря.
Все равно взошла над Русью
Им воспетая заря.
Вот, бывало, по деревне
Грамотея не найдешь,
Нынче Пушкина читают
Старики и молодежь.
За провишность за какую
Пушкин был в изгнании,
Мы об этом потолкуем
В клубе, на собрании.
Откатился от деревни
Звон отвергнутых церковей,
Мы теперь по воскресеньям
Ходим в Пушкинский музей.
Если б Пушкин мог пройтись
Пашней большевистскою,
Он увидел бы Земфиру
Бравой трактористскою.
Александр Сергеевич Пушкин,
Жаль, что с нами не живешь,
Написал бы ты частушки,
Чтобы цела молодежь.⁴⁹

⁴⁸ В. Г. В Государственном пушкинском заповеднике // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 529.

⁴⁹ «Александр Сергеевич Пушкин, жаль, что с нами не живешь»: Колхозные частушки // Крестьянская газета. 1937. № 19–20, 10 февраля.

О любопытной детали «праздника-карнавала» впоследствии вспоминал В. Шкловский, присутствовавший в Михайловском в составе делегации Союза советских писателей. По его свидетельству, в числе пушкинских героев оказались и будущие персонажи совсем другого анекдотического цикла — В. И. Чапаев со своим ординарцем Петькой: «Зимой в 1937 году вместе с другими товарищами поехал я на пушкинские торжества в село Михайловское. (...) Колхозники устроили маскарад на льду. Проходила Татьяна Ларина, надевшая ампирное платье на тулуп. У нее был такой рост, она была так красива, что выглядело это хорошо. Шли богатыри, царица-лебедь, в кибитке ехал с синей лентой через плечо бородатый крестьянин Емельян Пугачев, рядом с ним ехала сирота Маша Миронова — капитанская дочка. И за ними на тачанке, гремящей бубенцами, с Петькой ехал, командуя пулеметом, Чапаев. Я спросил устроителя шествия — ведь про Чапаева Пушкин не писал? — А для нас это все одно, — ответил мне колхозник»⁵⁰.

Что касается собственно «пушкинского фольклора», записанного через десять лет после экспедиции Чернышева⁵¹, то он демонстрирует определенные успехи пропагандистско-просветительской работы в среде «колхозников-пушкинистов». Хотя основной сюжетный корпус «преданий о Пушкине» серьезных изменений за это время не претерпел, появилось несколько новых историй, а старые отчасти модифицировались. Так, рассказ о дерзком слове, сказанном царю, теперь уже прямо соотносится с «Фонарем» и «Подблюдными песнями». «Ходили они раз с государем. Шли по коридору. Лекстричества тогда не было, один фонарь висит. Царь и говорит Пушкину, — а придворных много вокруг: „Пушкин, скажи, не думавши, слово!“ А Пушкин не побоялся, что царь, и говорит: „Нашего царя повесил бы вместо фонаря“. Вот царь рассердился и выслал его за это»⁵². Впрочем, продолжение этого рассказа, записанное О. Ломан, по-прежнему оперирует пуантом, характерным для анекдотов о шутах: «...Царь его не поса-

⁵⁰ Шкловский В. За сорок лет. М., 1965. С. 420.

⁵¹ Ломан О. Предания о Пушкине // Литературный критик. 1938. Кн. 3 (Март). С. 183–193.

⁵² Там же. С. 184.

дил и не сослал, а рассердился и говорит: „За это слово (за фонарь-то!) ты, Пушкин, будешь хозяин над одними мухами!” А шли они на бал. Вот там на балу муха и села на лоб какой-то царской синоде, богатому, одним словом, какому-то. Пушкин ремень с себя снял, изловчился, да и ремнем того по лбу. Тут все закричали: „Как? Что такое? Что ты делаешь?” А он и говорит спокойно так: „Раз я хозяин над мухами, так и буду их гонять”»⁵³. Появляется в «народной памяти» и известная история о заупокойной службе по Байрону⁵⁴, заказанной Пушкиным 7 апреля 1825 г.: «Раз как-то пришел Пушкин к попу в Воронич и заказал ему панихиду отслужить. Поп даже удивился. То все спорил о божественном, за это, говорят, и в ссылке жил. Однако отслужил, как полагается. Только видит, — Пушкин усмехается себе. И оказалось, что отслужил он панихиду по революционеру Лорде. Хватился поп, да уж поздно!»⁵⁵. Вообще говоря, образ поэта — «освободителя крестьян», по всей видимости, эволюционировал в течение 1930-х гг. в соответствии с каноническими для советской пропаганды этого времени репрезентациями «народолюбца» Ленина. В нескольких записях Ломан рассказывает не только о том, как Пушкин «вызволил» крестьян из крепостной зависимости, но и как он помогал мужикам пахать и косить, а их женам — ткать. Вместе с тем в окрестностях Михайловского по-прежнему ходил рассказ о поэте, «выходившем волю» крестьянам, причем к нему была добавлена и история об умении «писать ногой»: «Так царь и господа все, у кого были забранные люди, стали его руку-подпись знать, и нельзя стало ему рукой расписываться. Пришлось ему ногой писать»⁵⁶.

Разумеется, и особенности записи, и принципы публикации этих и подобных рассказов, присутствующих в подборке Ломан, могли существенно отличаться от вполне профессиональной работы Чернышева, однако, как мне кажется, то информационное давление, которое оказывалось на местных крестьян в 1935 — 1937 гг., вполне могло приве-

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10: Письма. С. 107 — 108 (письма П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину).

⁵⁵ *Ломан О.* Предания о Пушкине. С. 186.

⁵⁶ Там же. С. 189.

сти именно к подобным коррективам локальной «пушкинской мифологии», окончательно превращавшим поэта в революционера, но при этом сохранявшим за ним известные «трикстерские» черты (что, добавлю, опять же роднит «советского Пушкина» с квазифольклорным Лениным). Что касается истории про «обличительный поцелуй, то она продолжала пользоваться у «колхозников-пушкинистов» большой популярностью (в публикации Ломан приведено два варианта), однако теперь ее обычно дополнял рассказ о «нечестной дуэли»: «Пушкину на дуэли были даны холостые патроны, испорченный пистолет и т. п.»⁵⁷. Крестьянка Авдотья Ефимова из д. Бугрово даже утверждала, что поэт, знавший заговор «на олово» (то есть от пули), погиб лишь потому, что его противник «поставил наперед пули медную пуговицу. Через пуговицу и не подействовал заговор. Как тот стал стрелять, так пуговица пошла, и пуля-олово сзади за ней. Вот и убил Пушкина!»⁵⁸. Очевидно, что такое развитие сюжета о гибели поэта тоже было обусловлено «просветительской» деятельностью местных властей и «работников культуры», особенно усилившейся в канун мемориального праздника 1937 г.

Рассмотренные выше материалы вряд ли можно считать сугубо репрезентативными по отношению к советскому культу Пушкина в целом; речь идет скорее о специфических формах и способах адаптации идеологических клише в устной крестьянской культуре конкретного региона. Вместе с тем анализ этой «народной пушкинианы», как мне кажется, дает основания для нескольких выводов более общего характера. Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, что важной проблемой для исследователя способов канонизации и конструирования «классических» сюжетов, образов и тем истории и литературы в России XIX—XX вв. (как, впрочем, и за ее пределами) является их пространственная локализация, осуществляемая, как правило, посредством создания специфической «музейной мифологии». Речь в данном случае может идти не только о Пушкинском заповеднике, но и, скажем, о могиле (точнее, могилах) князя Олега в Старой Ладогe, выдуманной в XX в. археологами

⁵⁷ Там же. С. 191.

⁵⁸ Там же.

и местными музейными работниками, о почитаемых камнях в московском музее-заповеднике «Коломенское» или о недавно представленной на всенародное обозрение «могиле Ивана Сусанина».

Во-вторых, история «пушкинских преданий» с. Михайловского и окрестностей довольно показательна с точки зрения проблемы образования фольклорных сюжетов. Перед нами — хорошо документированная история «снижения культурных ценностей», позволяющая проследить как литературно-политическая мифология, навязываемая крестьянам образованными и обладающими властными полномочиями элитами, адаптируется к социальным ожиданиям и нарративным практикам деревенской общины, что именно из «канонических» сюжетов и коллизий идеологизированной истории русской литературы могло представлять интерес для рассказчика из крестьянской среды и за счет каких средств мог удовлетворяться официальный спрос на «народную любовь к Пушкину».

Наконец, в-третьих, рассмотренный эпизод из истории «советского фольклора» позволяет говорить о конкретных формах культурной преемственности между поздней имперской Россией и сталинской эпохой. Еще раз подчеркну, что история культа Пушкина предоставляет исследователю такой преемственности чрезвычайно любопытные и полезные материалы.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом) РАН

КУЛЬТУРНЫЙ ПАЛИМПСЕСТ

*Сборник статей
к 60-летию
Всеволода Евгеньевича Багно*

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2011